

Студентка, трактористка, санитарка

В то лето Клава впервые вернулась на каникулы в деревню как студентка. Мама утирала глаза краешком платка: одна из семерых все-таки поступила в институт! Была бы в семье своя учительница. Даст ли Бог? А младшей дочери сказала: «Клавдинька, война! Всех мужиков - в армию. А у твоих сестер да братьев - не по одному ребенку. Кто поднимать будет? Оставайся, доченька, дома, не до учебы теперь».

Когда пришла похоронка на старшего брата, Клавдия уже работала в тракторном отряде. Ее поставили учетчиком. Не потому, что девчонка, - в отряде таких, как она, было еще пятеро. А потому что самая грамотная.

Но должность должностью, а одними измерениями дело все равно не кончалось. Пахала, как и другие. Особенно трудно было на углу поля при развороте. Мужская требовалась силушка. Также как и на посевной, на жатве, на молотье. Какую-никакую крепость давала картошка, а хлеб - до последнего зернышка - уходил на элеватор: в город, на фронт.

Одна из сестер осела в Москве и в 1943 году взяла к себе младшенькую: «Ты, Клавушка, у нас умница, будешь учиться!» Клавдию с горьковским студенческим билетом взяли в педагогический институт имени Ленина на второй курс.

Ленинский стоял на Пироговке, а в начале улицы, в доме № 1 был один из самых больших госпиталей столицы. Студентки бегали помогать: переводили из транспорта в здание больницы раненых, разгружали машины с медикаментами, снимали и скатывали бинты... Читали молодым солдатам из тетрадок свои лекции, писали для них письма, сопровождали в театр и в кино.

Школа у заповедника

Диплом учителя географии Клавдия получила в 1946-м. На место распределения летела как на крыльях: счастье-то какое - война кончилась, дети в школе ждут ее с нетерпением! Но разбитый фашистами Воронеж потряс. В отделе учебных заведений молодой учительнице сказали: жить в городе негде. Однако неподалеку есть пристанционный поселок рядом с Бобровым заповедником, где не хватает учителей - туда Воронеж направляет всех бездомных. Там, в школе № 61 она и дала свой первый урок. А потом десятый, сотый, тысячный...

В педагогике Клавдия Михайловна Боброва проработала тридцать лет. Была новатором, энтузиастом, наставником. Входила в научный совет Бобрового заповедника. Вот такая аналогия с ее фамилией - видно, сама судьба соединила два одинаковых слова. О ее педагогическом опыте, связанном с заповедником, писали толстые журналы.

В 1976-м после выхода на пенсию она вернулась на родину - в город Горький. И на следующий же день пришла в Канавинскую администрацию: работники с педагогическим образованием нужны? Ее тут же направили в железнодорожный дворец культуры - это было ближе к дому учреждения воспитания культуры. Директор ЦДКЖ того времени Семен Вулович Поташник сразу повел ее в отдел детства к Галине Ивановне Голубевой: «Вот вам стол, вот

Четверть века вместе с ВОИ!

Заповедная школа Клавдии Бобровой

Клавдия Михайловна Боброва - из тех ветеранов, кто стоял у истоков Всероссийского общества инвалидов. На днях ей, хорошо известной в Канавинском районе города Нижнего Новгорода «бабушке Клавдии», исполнилось 92 года. Она по-прежнему активна, бодра и жизнерадостна.

На снимке: визит летчика-космонавта СССР Константина Феоктистова к юным горьковчанам (слева К.М. Боброва)

телефон, садитесь и работайте!» На следующей неделе комната нового кружка любителей природы уже не могла вместить всех желающих пятиклассников из школ NN 52, 76 и 77.

В воспитанниках - дети космонавтов

В одно из заседаний кружка директор привел к детям комиссию из обкома профсоюзов, проверявшую в эти дни работу Дворца культуры. Методисты так и не ушли из кабинета до конца занятия. А потом руководитель методической секции подошел к Клавдии Михайловне: «Сделайте доклад на мартовском областном совещании начальников летних пионерских лагерей и старших вожатых».

После того доклада ей на трибуну посыпались записки: имя-отчество и номер телефона. Каждый начальник захотел, чтобы у него заработал кружок любителей природы. Все мечтали о «Заповедной школе Бобровой», вкладывая в эту фразу более общий смысл, связанный с уникальной методикой воспитания нравственности через труд и единство с окружающим миром.

С той поры она на лето уезжала за город. Принимала в пионерлагере даже юных москвичей, в олимпийском 1980 году детей вывезли из столицы на лето в лучшие зоны отдыха России. Было звено детей из семей космонавтов.

Выбрала пионерский лагерь Заволжского моторного завода, где начальником был Эдуард Яковлевич Бомштейн. Потому что он взял на работу практически всю семью - сестру, зятя, разрешил отдыхать в лагере маленькому внуку сестры. Свои дети у Клавдии Михайловны к тому времени выросли и оказались в неблизких краях. О детях вернее было бы сказать «свои, приемные». Клавдия Боброва с юности считала себя ответственной за весь мир и спасала всех, кто волею судьбы оказался возле нее.

Видимо, это чувствовали начальники, которые «вставали за Бобровой в очередь», как за хорошим работником даже когда она уже была пенсионеркой со стажем и даже «букетиком физических проблем». Неудивительно, что Клавдия Михайловна была в числе первых членов зарождающегося Всероссийского общества инвалидов.

У самовара

И здесь она слыла инициатором невиданных дел. Во Дворце культуры железнодорожников энтузиасты открыли клуб «Радуга». Собирали ветеранов, приглашали интересных людей. Слово «спонсор» тогда еще не было так распространено, однако люди, готовые поддержать доброе начинание, находились. Купили самовар, чайный сервиз, скромно оборудовали выделенную отдельную комнату. Кто мог по состоянию здоровья - занимался в спортзале дворца, кто умел - оставался на занятия в шахматной секции. Даже брали друг у друга уроки хореографии, любимым танцем был, конечно, вальс.

Летом выезжали в лес. Компании, расположившись рядом, всегда удивлялись, что соседи празднуют «без перепития». Дело в том, что в «Радуге» был свой врач-нарколог, гордость общественного объединения. Он и учил жить трезво: не пить, не курить, почитать, как прекрасен мир, когдамотришь на него незадуманными глазами.

Даже через пятнадцать лет, когда клуб отжил свой век, члены его не распрощались друг с другом и поддерживают отношения до сих пор.

Ветераны - молодым, молодые - ветеранам

Клавдию Михайловну Боброву «переманили в соцзащиту». В России при службах социальной защиты начали открываться территориальные центры.

В середине девяностых мне предложили организовать Клуб пожилых людей на улице Тираспольской, 22, - вспоминает Клавдия Михайловна. - Крупные партийные и ведомственные работники были первыми его членами. Лучшим праздником из тех лет был «Русский чай». Я его постоянно проводила в клубе. А в районном обществе инвалидов в те годы вела всю документацию, собирала членские взносы. И до сих пор у меня хранятся списки ветеранов разных лет, их телефоны. За этой информацией иногда обращаются и общественники, и власти, и социальные службы.

Сегодня над 92-летней Клавдией Михайловной Бобровой шефствуют ребята из строительного ПТУ №39. То поздравят с праздником, то подлатают квартиру. Бабушка благодарна ребятам и считает, что забота о стариках - нужное дело для роста собственного сознания юных.

Опустела ниша общественного развития молодых, - считает она. - Мое поколение воспитывал труд и то самое единство с окружающим миром. В пору, когда была преемственность октября - пионеры - комсомольцы, когда были комсомольские путевки на ударные объекты и студенческие строительные отряды, дети знали смысл слов «Родина» и «патриотизм». Если при мне кто-то о Советском Союзе решался сказать плохо, мне самой становилось плохо. Я была уверена, что с капиталистами нас не сравнить, мы - лучшие! Везла после войны учеников на Кавказ, на Украину, на Дальний Восток. В Волгограде мы поднимались на Мамаев Курган и в ливень, и в метель. А сейчас: каблучки, кружева, цветную рубашку под заграничный пиджак и фирменные брюки... Дети не виноваты, что ушла духовность, это проблемы взрослых. И если юный начинает понимать: важнее не «что мне дадут», а «что я должен сделать», - то это уже шаг в достойное будущее.

Анна ЖАДОБОВА

Линии судьбы

Спасибо, мама!

«Посвящаю своей матери, Бардинской Нине Матвеевне». Такую надпись, предваряющую этот рассказ, попросил сделать нас Геннадий Бардинский, постоянный автор нашей газеты. «Я так благодарен своей матери! - пишет он в сопроводительном письме. - Когда со мной случилась несчастье, все друзья отвернулись. И только один близкий человек не оставил меня...»

Солнечный зайчик, вдоволь нагулявшись по плакатам и картинам, украшавшим стену, осторожно прыгнул в кровать и легко коснулся щеки немолодой, но довольно симпатичной женщины.

Нина Андреевна открыла глаза, но встать не поторопилась. Причиной этого было хорошее настроение и праздничный день. Сегодня 8 Марта, пятница - есть повод понежиться!

Вот уже второй год пошел, как осудили ее сына, и столько же мать спит в его комнате, где все напоминает о Сергее.

В редкие свободные минуты она полностью погружалась в думы, круг которых ограничивался двумя периодами времени: жизнь до рокового дня, когда арестовали Сергея, и жизнь другая, потерявшая всякий смысл от безысходности и невозможности в чем-либо помочь единственному сыну. Маленький лучик надежды - это УДО (условно-до-

срочное освобождение). Но оно требует выполнения ряда условий. Одно из них - погашение судебного иска, удовлетворение которого ей, живущей в одиночестве, не под силу. Два года лишения свободы и три миллиона рублей - судебный иск: таков был «багаж», с которым спецконвой отвез ее сына в тюрьму, в Нижний Новгород. На сегодняшний день «багаж» стал легче на целый год, но сумма иска осталась прежней. Телефонный звонок вернул Нину Андреевну к действительности. Она легко, по-девичьи, поднялась с кровати, одной рукой поддерживая длинную ночную рубашку, прямо босиком подбежала к телефонному аппарату и, подняв трубку, в нетерпении ответила:

- Да, я вас слушаю!

- Здравствуй, сестричка! Как поживаешь? Да, кстати, с праздником!

Обладатель мужского барито-

на, судя по веселым ноткам в голосе, находился в превосходном настроении.

- Доброе утро, Игорь, - ответила Нина Андреевна брату, звонка от которого, откровенно говоря, ждала каждый день.

- Почему грустишь, не слышу радости в голосе?

- Нет, Игорь, я ничем не огорчена, даже напротив, радуюсь, потому что скоро увижу Сергея: еду к нему на следующей неделе, - сказала женщина и, ощущая материнским чутьем близость добра, добавила:

- Знаешь, Игорь, когда я была у него, у Сергея, на последней свиданке, честно тебе говорю, удивилась, какая поразительная перемена произошла в моем сыне. Это не тот бесшабашный пацаненок, которого ты знал. Это теперь другой человек и в манерах, и в мыслях, и в разговоре.

- Сестра, я рад, конечно, если все действительно так, и хочу со-

общить тебе приятную новость: я оплатил все долги моего племянника перед государством. А чтобы он мой добрый жест не принял за манну небесную, хочу, чтобы после освобождения Сергей работал у меня и отрабатывал уплаченные деньги. Если тебя, Нина, устраивает такой расклад, завтра я высылаю в адрес тюремной администрации ходатайство с подтверждением, что по освобождению Сергей будет трудоустроен.

- Да, да, Игорь. Ну конечно же, согласна... Не знаю, право, как и благодарить тебя!

От неожиданности Нина Андреевна на какое-то мгновение даже потеряла дар речи, в растерянности поцеловала трубку, а затем, тяжело дыша, зашептала:

- Спасибо, Игорь... родной братик... спасибо.

... С самого утра Сергей был словно сам не свой. Его друг, сосед по комнате и напарник по работе, несколько раз пытался узнать, в чем дело. Его приставания с расспросами были настолько искренни, что Серега не выдержал и признался:

- Знаешь, Геннадий, сегодня иду на свиданку с матерью, а на душе какая-то особенная тяжесть. Да, виноват, осознаю. Но

как вину за доставленное горе и пролитые слезы искупить? Ген, я без добрых материнских глаз жить не могу, их ласковая теплота меня лечит.

- Сергей, держись. Бери себя в руки.

Геннадий одернул ему куртку, поправил бирку с фамилией на правой стороне и, убедившись, что перед ним снова крепкий мужик, сказал напоследок:

- Во, и порядок. А теперь иди. Мать тебя уже ждет.

... И вновь лишь стекло разделяло родных людей - мать и сына. Два часа, отпущенные на свидание, пролетели, как одна минута. А когда время закончилось, мать, прощаясь, припав к стеклу, зашептала:

- Сынок, дядя Игорь оплатил твой судебный иск. Родной, я жду не дожусь, когда тебя освободят.

...Когда Сергей возвращался с работы, на лестничной площадке третьего этажа его подждал Геннадий, который без подготовки объявил:

- Серега, тебя представили на комиссию по условно-досрочному освобождению.

- Спасибо, мама, - шепотом от неожиданного спазма в горле сказал Сергей и не сдержался, заплакал.

Геннадий БАРДИНСКИЙ